

АЛЕКСАНДР
СЛАДКОВ

*Личные
встречи*

ГЕРОИ РУССКОЙ ВЕСНЫ

Захарченко, Стрелков,
Моторола, Колыма,
Воха, Ходаковский,
Абхаз, Вольга, Иванов,
Пуля, Прилепин...

Сладков. Военные мемуары

Александр Сладков

**Герои Русской весны.
Личные встречи**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сладков А. В.

Герои Русской весны. Личные встречи / А. В. Сладков —
«Эксмо», 2026 — (Сладков. Военные мемуары)

ISBN 978-5-04-240659-1

Реальные истории с передовой Александр Сладков – военкор, награжденный двумя орденами Мужества, который с 1992 года освещает вооруженные конфликты. Он рисковал жизнью, чтобы донести до читателей эти уникальные свидетельства. Автор с начала 1990-х побывал во множестве горячих точек. За его спиной гражданская война в Таджикистане, Приднестровье, Грузино-абхазский конфликт, Чечня, Югославия, Сирия. С начала 2014 года Сладков многократно бывал на Донбассе. И лично встречался с самыми известными участниками исторических событий. Эта книга – это не просто хроника, а искренние диалоги с командирами и бойцами, которые расскажут, что значит быть героем, как жизнь человека становится легендой и почему на войне нет полутоннов. Без прикрас, только правда о людях, их мыслях, духовной крепости и невероятных судьбах. Их прямая речь, реальные, «неприглаженные» образы. «Человек интересней машины – танка, БТРа, «Града» - да только его, как автомат Калашникова, по нормативу не разберешь». Александру Сладкову удалось разглядеть под «обвесами», «брониками» и пороховой копотью живые переживания: о себе, о войне, о России. Многие материалы публикуются впервые. «Я старался быть ближе к людям, которые знали о ситуации больше и сами принимали решения... Вот об этих командирах я и решил написать книгу».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-240659-1

© Сладков А. В., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Предисловие	7
Александр Захарченко	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Сладков
Герои Русской весны: личные встречи

© Сладков А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Предисловие

Специальная военная операция идет пятый год. Интернет полон сводок с фронта, окопных рассказов, описаний солдатских судеб, и все это ежедневно проглатывается населением терабайтами с одной целью – знать правду. Да-да, люди хотят знать правду, только правду и ничего, кроме правды, ищут ее, каждый вечер копаясь в авторских и безымянных каналах в надежде отшелушить «реальную новость» от выдумки, вглядываясь в говорящих бойцов на экране, чьи лица настойчиво скрыты масками, словно они, бойцы, что-то сделали и прячутся от правосудия.

А мы – репортеры, блогеры – стараемся этот интерес аудитории удовлетворить. Одни заваливают подписчиков картинками, взятыми из других каналов, выдавая их за свои: «Смотрите, у меня много, у меня все о войне». А картинки однообразные – под бравую музыку дрон от первого лица таранит украинские танки и броневики, джипы. Вражеские солдаты с большими синими лентами, обозначающими ВСУ, разбегаются в стороны. Взрыв, снятый с другого коптера, и все. Это и есть правда, точнее, реальность.

Стоп, а правда и реальность – это одно и то же или разные вещи? Интересно... Надо подумать, вернусь к этому позже.

Так вот, есть в интернете кадры боев тет-а-тет – стрелковых, ножевых, снятых экшн-камерами, с реальным звуком, стонами и предсмертными репликами проигравших. Иногда обездвиженный от ранений боец под камеру висящего над ним коптера, зная, что враг близко, выбирая между пленом и смертью, «в прямом эфире» стреляет себе в сердце, в голову или подрывает себя гранатой. На таких роликах пишут «18+», и они привлекают людей в первую очередь, потому что это уж точно правда. Или реальность?

Одно время репортеры, годами кочующие вдоль линии фронта, увлекались картинками выстрелов. Пушка, гигантский миномет, реактивная система «Град» или «Ураган». Громко и эффектно, сам сто раз снимал. Ну и боец на фоне орудия в той же маске: «...и тогда я подписал контракт. Коллектив у нас отличный, будем воевать до победы». Чуть позже к этой теме прибавилась «беспилотная классика»: дрон взлетает, а дальше картинка, снятая сверху, а на экране опять – таран танка, разбегающиеся в стороны бойцы с синими лентами ВСУ. Взрыв. Но в определенный момент съемку работы артиллерии, запусков ракет и применения беспилотников взяли на себя военные операторы Министерства обороны РФ. Теперь подобная хроника поступает на официальные телеканалы каждый день. То есть за кадрами выстрелов и взрывов уже не нужно было гоняться. Приоритетом репортеров стал поиск героев для своих сюжетов и заметок: контакт не с техникой – с людьми. А с воюющими людьми, скажу я вам, работать непросто. Нет, если вам необходимо записать интервью человека в маске, это пожалуйста:

...

– Я Медведь (Маэстро, Лис, Колчан, у бойцов нет имен, у них позывные).

...

– Да, подписал контракт.

...

– Коллектив? О, коллектив у нас хороший.

...

– Конечно, до победы, только до победы!

И вот тогда мне стало понятно: стрельбы для репортажей снято вдоволь, не хватает людей, нет личностей, история СВО в моей работе бездушна, и в этом не виноват министр обороны или мое начальство, в этом виноват я, репортер. Любой человек интересней машины,

только его, как автомат Калашникова, по нормативу не разберешь, порой нужны годы, чтоб он поверил тебе, а ты, как ни странно, ему. Крайне важно для этого наблюдать за человеком, быть рядом с ним: вот солдат ест, вот он спит, вот он рассуждает о жизни и смерти, вот ругается с сослуживцем раз, другой, снова ругается, даже дерется, а потом выволакивает его же, израненного, из-под горящих бревен разбитого блиндажа, спасая от смерти. Мне довелось вот так жить рядом со многими солдатами, возвращаясь в их землянки снова и снова, к бесконечным ночным разговорам, к чаю из почерневшей от примуса кружки. Иногда возвращаться, а говорить не с кем, убили, ранили, перевели.

«Русскую весну» я встретил, когда мне стукнуло сорок восемь, и профессионально я старался быть ближе к людям, которые и знали о ситуации больше, и сами принимали решения, то есть я больше общался с командирами, чем с бойцами. Это тогда, а сейчас тем более. Вот об этих командирах я и решил написать книгу.

Некоторых героев этих заметок уже нет в живых, другие до сих пор командуют, они стали генералами, их наградили Золотыми Звездами, а мы дружим, общаемся, и я, стыдно признаться, продолжаю наблюдать за ними, изучать их. Но к ушедшим от нас я тоже возвращаюсь частенько в мыслях, бывает, сегодня оценивая их слова, поступки по-другому, не так, как вчера. Часто использую прошлое как систему доказательств для оценки сегодняшней ситуации, и даже предвидя то, что может произойти через год, пять лет, десять. А командир... У него в армии вообще и на войне в частности самый главный статус. Командир один такой, он один главный, остальные – солдаты, сержанты, заместители, связисты, разведчики, саперы, санитары-врачи-пулеметчики – исполнители его воли. И командиры «Русской весны», если рассуждать о начале событий, и командиры нынешние, в СВО, – это главные люди из всех тех, что творят историю.

Да, о правде и реальности... Я считаю, когда человек воюет и умирает или вообще делает что-то здесь и сейчас, это реальность, а правда в знании – зачем он это делает или делал. Реальность одномоментна, а правда вечна. После этой сентенции я, волнуясь, получится ли, перехожу к главным персонажам на фронтах «Русской весны» и СВО как ее продолжения.

Их было много, командиров, даже больше, чем отрядов, которые они возглавляли, например, только «Спартой» в разные времена руководили Моторола, Воха и Колыма, а теперь Малыш. Уж позвольте мне иногда их называть по позывным, хотя за столько лет этой войны слышать и обращаться через военные прозвища мне надоело.

По сути моего труда: это справочный материал, не ЖЗЛ, то есть не книга из серии «Жизнь замечательных людей», не собрание биографических очерков о главных командирах, нет. Это вариант донбасской эпопеи через мои впечатления от личного общения с людьми, ставшими главными персонажами революции русских, поднявшихся против националистов Украины.

Приведу ли я полный список командиров Донбасса? Нет. Во-первых, потому как я совсем мало работал в Луганске и совершенно не знал Мозгового, Дремова, Болотова. С 2014 года я находился в ДНР, считаю себя донецким, а в ЛНР я бывал по работе на день-два. И во-вторых, даже командиров ДНР я знаю и знал не всех, поэтому убедительно прошу не расстраиваться, если кого-то из донецких не упомяну, это исключительно по причине отсутствия личных встреч.

Предполагаю, что многим из прочитавших этот труд покажется, что я пишу что-то, не соответствующее действительности. Возможно, ведь я излагаю сугубо личные мысли, обнажаю их перед вами, делая себя в некотором роде беззащитным для критики и резких суждений. Но я открываюсь сознательно, не ради возбуждения дополнительного внимания к себе, я хочу лишний раз упомянуть имена тех, кто защитил честь и жизнь русских, россиян в смертельно опасный период. Наша война, СВО, начиналась тогда, в четырнадцатом, и не мы были ее инициаторами.

Эпиграфом сборника моих впечатлений я выбираю слова Моторолы, сказанные мне в феврале 2016 года в Донецком аэропорту: «Я увидел по телевизору много людей на Майдане. Они кричали, что хотят убивать русских. Я приехал в Донецк, чтоб увидеть таких собственными глазами. Теперь мы сами убиваем их пачками. Мы защищаем народ и будем здесь до конца».

Так вот, я пишу именно о тех, для кого эти слова – девиз, как для воюющих с фашистами в Испанскую революцию лозунгом были слова: «Но пасаран», то есть «Они не пройдут».

Я выбрал несколько форм изложения, это мои личные оценки и мысли, это интервью героев, которые, по-моему, несмотря на то что записаны мною давным-давно, бесценны для понимания, что с нами происходит сейчас и что будет происходить. Стоп, я об этом уже говорил.

Прошу принять эти мои записи не как раскрашенные впечатления о былом, а скорее это документ из собранных мной отчетов о встречах с наиболее значимыми командирами «Русской весны». Тут многие высказывания командиров, на которые можно ссылаться, и я отвечаю за их правдивость. Подчеркну, я работаю в ДНР, но есть братская республика ЛНР, в которой были и есть свои герои, о которых обязательно кто-то напишет, они, безусловно, достойны этого. И опять же, в ДНР есть много командиров, которых я не упомянул, это неправильно, тем не менее пока есть возможность, излагаю так, как есть.

Итак, приступим.

Александр Захарченко

Донбасс... Плавильный котел, который создал дончан, – особый, многонациональный, свободолюбивый народ. Сталевары-хлеборобы, шахтеры-спортсмены. В прошлом и лихие люди, и партизаны, казаки-ученые, политики, богатейшие бизнесмены. В один момент большинство этих людей превратилось в революционеров и ополченцев. В сторонников «Русской весны».

Лидером этого народа мог стать только настоящий дончанин, настоящий воин и настоящий человек. Это не возвышенные слова, перечитайте их еще раз и поймите, такими были те времена. Было много лихих командиров, но не донецких, было много донецких политиков, но не командиров. В ДНР тех лет не приняли бы чужака, не знающего Донбасс, тут нужен был свой человек, таким и оказался Александр Захарченко.

Меня привел к Захарченко мой друг, Андрей Руденко, представитель ВГТРК (Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания) в Донецке. Я репортер и собирал данные о ситуации в только что образовавшейся республике, и мы начали со знакомства с донецкими полевыми командирами. И к Александру Захарченко, командиру отряда «Оплот», отправились первому. Приблизилась к территории донецкого телеканала: она была огорожена высоким забором. Калитку отворил вооруженный человек в военной форме:

– Куда?

– Нас Захарченко ждет.

– Погодите.

Несколько слов по рации, ожидание, опять пара слов.

– Проходите.

Мы прошли по коридорам, выложенным из белых мешков с песком. Второй этаж, небольшой кабинет, шкаф, сейф, стол, за столом подтянутый мужчина лет тридцати пяти, русые волосы, прическа не короткая, лицо классическое русское, кончики ушей чуть в стороны, одет в новый классический горный костюм советских времен, оперативная кобура с ремнями по плечам, пистолет. Познакомились, начали разговор. Меня интересовал взгляд Александра Захарченко на ситуацию в республике, особенно как крепка наша оборона, по крайним Донецка уже стоял противник. Да-да, оборона на тот момент была самой важной темой, я начал разговор:

– Насколько наша оборона была крепка вот еще на следующей неделе, на прошлой, как сейчас?

– Ну, она была цельной, она и сейчас сбалансирована, есть определенные моменты, которые были устранены, было принято решение оборонять Донецк, городские бои самые тяжелые, и, понимаешь, украинские части не в состоянии полностью его блокировать, мы планируем бои в городских условиях.

– А вот украинские силовики, наоборот, утверждают, что им под силу блокировать Донецк.

– Нет ничего невозможного. Просто интересно: заявление одно, а блокируете и возьмете – совсем другое. Я понимаю, что у них очень большой численный перевес в технике, сумасшедший. У них есть авиация, у них численный состав подразделений и мобилизационный ресурс больше, чем наш, ну, вопрос в чем, мы тут на своей земле стоим, мы воюем у себя дома.

– Зашла армия Игоря Ивановича Стрелкова, там около 4000, усилило это оборону, не усилило? Или он дестабилизировал обстановку в Донецке, потому что люди с оружием неизбежно вызывают тревогу, чувство опасности у населения.

– Момент притирания подразделений, находящихся в Донецке и зашедших сюда с Игорем Ивановичем, уже закончен. Взаимодействия выстроены, поэтому его прибытие усилило оборону, причем существенно.

– Александр, все-таки здесь, в Донецке, все участки обороны уже распределены, каждый командир и его отряд занимаются подготовкой обороны, а тут пришла новая сила, и немалая, не дестабилизирует ли она ситуацию?

– Ну, вы понимаете... Наши оплотовцы воевали в подразделениях Стрелкова давно, там, в Славянске. Из батальона «Восток» в Славянске люди воевали из «Русской православной армии», мы отдавали ему этих людей на усиление. Сейчас они вернулись, они держали там свой сектор обороны, ну, получилось так, что они отошли к нам, поэтому не было такой острой конфронтации. То есть мы все друг друга знаем, дружим, общаемся. Ну а по поводу политики, ну, политика, тут такое дело, я в ней не сильно силен, поэтому это говорить не буду. То есть какая там политическая составляющая происходит, это мы увидим, буквально в ближайшие десять дней все станет ясно. Сначала идут военные решения, потом политические, это очень хорошо, потому что перед этим было наоборот, мы воевали именно исходя из политики. А теперь мы начинаем воевать и сами создаем политическую картину.

– А ваш отряд «Оплот», как он возник? Это ж одно из самых первых подразделений ополчения. Вы набирали спортсменов, бывших военных, участвовали в захвате донецкого исполкома, других административных зданий, штаб разместили здесь, на телевидении, жесткая дисциплина, чем отличается «Оплот» от остальных отрядов?

– Изначально мы занимались охраной, защитой наших земляков, участвующих в протестах против Майдана. «Оплот» возник еще в Харькове, когда был Майдан, когда мы ездили в Киев, стояли на митингах, стояли на баррикадах, помогали «Беркуту». Организаторы и основатели оплота – Жилин Евгений, это мой друг. А потом здесь я уже подхватил его знамя, здесь, в Донецке, уже на том опыте выстроил тут «Оплот», то есть это уже не участие в митингах и охрана активистов антимайдана, мы ввели военный, вооруженный компонент.

– Александр, я знаю, что сейчас «Оплот» участвует в охране общественного порядка на территории Донецка, какая сейчас криминальная ситуация?

– Ну, не буду греха таить, ситуация ухудшилась очень сильно, почему, потому что разрушен орган МВД, который мы пытались сохранить до последнего момента. Мы не можем охранять порядок так, как милиция, мы не профессионалы, у нас нету тех специфических навыков, которые присутствуют у сотрудников правоохранительных органов. Это очень сильно влияет на ситуацию. Должны быть оперативники, должны суды работать, отсутствие такого аппарата ухудшило криминальную ситуацию. Слишком много людей, которые в это тяжелое время пытаются решить какие-то свои меркантильные вопросы.

– Среди ополченцев?

– Вы знаете, среди ополченцев процент таких людей очень низок, потому что сюда пришли добровольцы на защиту людей. Но хватает и других, которые надевают военную форму и грабят на улицах, на самом деле не являясь никаким ополченцами, дискредитируя нас в глазах населения, в какой-то степени помогая противнику этими действиями. У нас среди добровольцев очень много бывших сотрудников правоохранительных органов, вот из них и будет создаваться новое МВД, и, наверное, военная полиция, и прокуратура. Этим займемся в процессе, Москва тоже не сразу строилась. Кстати, эта ситуация мобилизует население, зная, что в любой момент может быть нападение мародеров, грабителей, люди не расслабляются, они в этом плане и готовы к любым неожиданностям. И мы не расслабляемся, патрулируем улицы, держим группу быстрого реагирования, учимся координировать свои действия между подразделениями. А вот как каждому человеку, как жителю города... Хотелось бы своим землякам сказать: понимаю, тяжело, неприятно, сложно, но мы стараемся делать все возможное, чтоб вас от неприятностей защитить, мы хотим, чтоб меньше всего страдали обычные люди.

– Отсутствие активных наступательных действий киевских силовиков нервнрует, влияет на моральное состояние ополченцев?

– В любом случае время играет на нас. Мы учимся, мы уже создаем регулярную армию, мы уже прекращаем воевать ополченцами, мы переходим к солдатам. Чем отличается солдат от ополченца? Ополченец воюет в радиусе ста километров от своего дома. А солдат воюет там, где ему прикажут, это армия. А украинское общество настроено негативно, Украина воевать не хочет, сюда отправляют их детей воевать, они протестуют. Я до сих пор не могу понять, вроде как страна была раньше одна, одна нация, а сейчас получается, что сюда приходят карательные отряды, нацисты, фашисты, каратели. Поэтому вот пускай теперь они думают, сколько они готовы потерять своих близких ради того, чтобы задушить Донбасс.

– Александр, им помогают сейчас американцы: и тепловизоры дают, и технику...

– Конечно, у нас этого всего нет, у нас есть дух, у нас есть сила духа. И еще хочу сказать, история дала очень много примеров, та же гражданская война, когда у Красной армии не было ничего, белогвардейцев снабжала Антанта. Чем закончилось? Народ победил. Давайте возьмем Великую Отечественную войну, которая переродила Советскую армию и всю страну из очень сильной в мегасильную страну. То есть люди закаляются в трудностях, если есть дух, есть сплоченность, есть какая-то общая объединяющая национальная идея, а у нас такая идея есть. А проживая в Украине определенное время, я себе задавал вопрос: какая идея у нас? Вот у украинцев да, ее нету. А в Донбассе появилась. А в остальной части Украины идеи нет. Есть подмена национальной идеи призывами типа «Убить террористов», «Сохранить Украину!».

– А вот вас лично война озлобила или нет?

– Ну, вы знаете, этот вопрос моральный, этический и очень сложный. Противник для меня еще не стал врагом. Я не воспринимаю многих как врагов. Вот я общался с пленными, общался даже с командирами частей, здесь находящихся, они в душе сами не понимают, ради чего они воюют. Я уверен, что многие из тех, кто находится на той стороне баррикад, разделяют те же наши принципы, за которые поднялся Донбасс. Это самоопределение, это свобода. Они такие же, они ж на Майдан выходили ради чего? Ради борьбы с коррупцией, ради лучшей жизни населения.

– Это понятно, но я не понимаю, как можно воевать, убивая не врага, а противника, соперника? Вот как можно, стоит ли это больших моральных усилий, то есть не лишняя ли это нагрузка?

– Это лишнее и стоит моральных усилий, но поймите, самая тяжелая война какая? Это между братьями, это самая тяжелая война. Когда есть, допустим, немец, есть русский – и тут враг, и то они там садились и кушали вместе. То здесь зверство, которое происходит в этой войне, оно в какой-то момент человека превращают в еще большего зверя. Но пока конкретной черты еще никто не перешел, есть определенные моменты: либо ты, либо тебя, это да. Ну тут уже понятно, ну самой злости, вот такой беспощадной ярости, когда нужно вырезать, нет, я не наблюдаю ни по себе, ни по своим бойцам, даже нет такой ненависти сумасшедшей. Но, к сожалению, это все приходит со временем.

– А с их стороны наблюдаете?

– Ну, вы знаете, скажу честно, оно уже появляется и с нашей, и с их стороны, уже идут зачатки какие-то, но вот, судя по регулярной армии, я не наблюдаю, если судя по подразделениям «Днепр», «Азов», «Айдар», то там оно изначально и было. Там тоже неоднородная масса людей, которая что-то разделяет, что-то нет, которая думает, которая не думает, которая умеет думать и которая просто тупо выполняет приказы.

Политическая жизнь Александра Захарченко началась лихо. В один миг.

Только что был командиром ополчения, и тут политик. Его избрали быстро, единогласно. В те дни все происходило искренне, порывисто. Раз, и он глава республики, в которой живет не один миллион людей, идет война и враг на пороге.

Мне кажется, Захарченко никогда не выбирал между кабинетом и улицей, он шел к людям, любил людей, любил свободу движения. В помещении его было непривычно видеть. В машине, за рулем – да. И небольшое боевое сопровождение.

Кавалькад с сиренами, по-моему, он чурался. В его стиле было неожиданно выскочить на передовую. Тогда ж ударные беспилотники не применяли, Александр приезжал сразу на первую линию. Никогда не вел себя там как гость или как большой генерал. Как главный солдат. Один из них, с правом все знать и принимать решения. Всегда привозил подарки солдатам, камуфляж, вкусности всякие, мог подарить какой-то одной позиции миномет или пулемет. Посидит впереди не один час, попьет чайку, поест консервов из банки, понаблюдает в бинокль за противником, стрельнет из снайперки куда-то вперед, а то и попросит кого-то пальнуть по украинским позициям из гранатомета. Потом еще посидит, поговорит с бойцами и уезжает. Кстати, первый Глава ДНР был ранен в бою за Дебальцево еще в 2015 году, долго ходил на костылях.

Спустя годы, когда уже началась СВО, я понял смысл всех этих посещений переднего края. Захарченко всегда сам проверял соответствие идущих ему докладов о реальной обстановке. Он не терпел лживых донесений. Потому что речь шла о защите его Родины, и он, не поясняя своих действий, разъезжал по позициям. Он не хотел быть формальным руководителем, хотел по-настоящему быть в курсе всего.

Только однажды я видел Захарченко в штатском костюме. Он поздравлял женщин ДНР с Восьмым марта. Потом мы попросили дать его интервью. Никогда не забуду его долгий взгляд на камеру, когда мы выставляли кадр. Взгляд Захарченко говорил: «Да все я знаю, что мне предначертано, все знаю, но не сверну...» Произнеся несколько фраз, он встал и сказал: «Мне бежать надо, наши Авдеевскую промзону штурмуют».

В ДНР был такой полк спецназа, его называли личной гвардией Захарченко. Мы наблюдали, как его штурмовики собирались отбивать у ВСУ Авдеевскую промзону.

Пока шли последние приготовления к штурму, наверх, прямо на автомобиле, дерзко заскочил Захарченко, хотя по дороге только что стреляли и уже были первые раненые.

– Вы быстро переоделись, только же в костюме и галстук были!

– Костюм – это не моя одежда. Мне в нем неудобно. Чувствую себя неприятно.

Захарченко спокойный, без боевого ажиотажа, уже был наверху. Он не вмешивался в командование штурмом, вел себя как солдат, а не как присутствующий начальник. Движение штурмовых групп шло без осложнений, внизу, прямо под трассой Донецк – Горловка. Боевой контакт начался лишь минут через десять-пятнадцать. Тут, конечно, все засуетились, дополнительные группы пошли вперед. Захарченко был в привычной среде, а тридцать минут назад ведь сидел в театре, в пиджаке и галстук, и ежился как не в своей тарелке.

Эту промзону и саму Авдеевку удалось освободить лишь спустя восемь лет в ходе специальной военной операции российской армии, в которой уже воевали многие из ополченцев.

Если на линии фронта Захарченко никогда не мешал командирам руководить боевыми действиями, то по большому счету он пристально следил за всей ситуацией, связанной с обороной ДНР, знал детали и тенденции, с ним было легко разговаривать на военную тему. Помню, во время обострения в Горловке я попросил его прокомментировать происходящее.

– Почему острее всего в Горловке?

– Да, Горловка – это как раз идет стык между третьей бригадой первого армейского корпуса ДНР и седьмой бригадой второго армейского корпуса ЛНР, те позиции, где мы сопри-

касаемся. На таких стыках оборона обычно слабеет, поэтому основные бои развернулись вот как раз на этом направлении. Противник, вероятней всего, прощупывает наши слабые места, и если они посчитают, что наступление будет разворачиваться успешно, то разрубят, разорвут наши коммуникации между Луганском и Донецком. Поэтому здесь все и происходит.

– Они сегодня заявили о том, что возьмут высоты вокруг Горловки, выдавят наших военных из Горловки, потом захватят Енакиево и накинута петлю на Донецк.

– Если честно, мы ждем, чтоб они это сделали. Почему? Во-первых, потому что у нас будет полное основание уничтожить противника, так как они начали наступление первые. Во-вторых, пятый год по Горловке стреляют, даже когда самые тяжелые времена были, когда Горловка была в кольце, было в кольце практически Енакиево, и никто из военных из этих городов не ушел. Это хотелки больших генералов Украины, которые кричат: мы за два часа можем ДНР уничтожить, разорвать. Поэтому вперед и с песней, ребята, наступаем, получаем как положено, вам не привыкать. Они даже свои панические отступления преподносят как подвиг. Мы вас всех ждем, гробы сами себе будете делать, если вы хотите повторить прежние потери, милости просим, на вас на всех хватит, где вас закопать, земля у нас чернозем, будет еще, наверное, еще лучше. Поэтому пускай попробуют. А по поводу высот, они и так их заняли потому, что мы выполняем Минские соглашения, мы придерживаемся режима прекращения огня, а Украина Минские соглашения не выполняет.

– Они говорят, это серая зона, мы можем занимать, мы имеем право, это официальное заявление украинских военных.

– Право они имеют просто сбежать, это их единственное право, а право на нашей земле занимать те высоты, которые мы считаем нужным, и мы считаем нужным выгнать эту бандеровскую нечисть отсюда. Чтoб ни один из них здесь больше не находился, пускай они там прыгают в своем Киеве, пускай там с голоду друг друга жрут, это их личная проблема и драма.

– Александр Владимирович, а на юге ДНР они наши силы могут отвлечь, на юге ударить, в районе Приазовья?

– Сегодня у противника нет сил и возможностей наступать широким фронтом по всей нашей территории. Они могут только точечно собрать какие-то подразделения в двух, трех местах атаковать, вероятнее всего, это Горловка, это сам город Донецк. Как говорил Жуков, противник может наступать только так и не иначе.

Феномен Захарченко заключался в том, что, никогда не служив в армии, в боевой среде он был абсолютно своим. Ему безоговорочно, с удовольствием, подчинялись даже такие сорви-головы, как Гиви и Моторола, те самые командиры Донецкого ополчения, которые заставляли бояться себя своих и чужих.

Захарченко не пытался выглядеть сверхсовременным, он не демонстрировал поклонения гаджетам и не вворачивал неологизмы типа «тренд», «кейс», «локация». Зато сразу дал понять, что история Великой Отечественной войны – это его история, герои Донбасса – его герои. И это были у него настоящие, искренние чувства. Молниеносно превратившись в главу ДНР, он быстро стал признанным всеми, формально и неформально, настоящим лидером. К своему статусу он относился со всей серьезностью, он все делал по-настоящему, и это вызвало еще большее доверие. Александр Владимирович удивительно быстро учился, он не просто все хватал на лету, он углублялся в тему и уверенно о ней рассуждал, его речь очень быстро стала стройной, я думаю из-за того, что он понимал и знал, о чем говорил. И людям нравилось его слушать. Потому что общался он откровенно, рассказывал о том, о чем порой стеснялись говорить большие политики и стратеги. О «Русской весне», о русском Донбассе, об идее, из-за которой Донбасс восстал весной 2014 года против Киева. Я беседовал с Захарченко на эту тему.

– Какая у нас идея? Идея такая, сказали: хватит, хватит издеваться над русскими, хватит кричать, что мы кому-то что-то должны, хватит запрещать нам делать то, на что мы имеем право, и заветное нам это право в наследство передано нашими дедами и прадедами. И это вот «хватит» и есть основная идея. Сказать всему миру, сказать, что мы не заснули, что мы никому ничего не должны, что мы не исчезли с карты планеты, мы есть, мы будем. И вот эта идея и толкнула тысячи добровольцев приехать сюда и защищать Донбасс.

– Александр Владимирович, но это ж опасная вещь. В Прибалтике тоже русские могут сказать – хватит.

– Встать рядом с людьми, которые отдают свою жизнь за то, что они русские, да неважно, где ты живешь, в Иркутске, в Архангельске, на Камчатке, и показать всему миру, что мы одно общее, что мы единый народ, вот самое главное, что мы нация, которую, к сожалению, исторически разделили на Прибалтику, на Белоруссию, на Украину, на Казахстан, на Таджикистан, Киргизию и так далее, мы все равно вместе. Процесс, который начался на Донбассе, мое личное мнение, это есть начало того процесса, который потом в конце называется русским миром и объединением всего русского мира. Неважно, где ты живешь, хоть в Польше, но ты все равно русский.

– Не напугаем мы остальной мир русским миром?

– А почему мы должны об этом думать, мы должны уверенно заявить о своих правах, как ни крути, мы Российская империя, это наша история, почему мы должны бояться того, что можем кого-то напугать. Пускай они знают, что мы на самом деле вместе и что нас нельзя победить. А напугаем ли, да, скорей всего, напугаем, это правда, напугаем тем, что Россия начинает подыматься с колен, а сильная Россия всегда пугает. Сильная Россия в Сирии пугает весь мир: Англию, Америку, Францию, Германию, она всех пугает, Саудовскую Аравию, Израиль. Пускай боятся, они знают, что русского медведя нельзя будить ни в коем случае. А если дернул за нос, получай лапой.

Захарченко первым из известных политиков стал говорить о независимости ДНР как о деле решенном. Он так общался на эту тему с народом:

– Александр Владимирович! Какая ситуация с паспортами?

– Скоро будем получать. Я – первый!

Как сказал, так и получилось. Я не помню Захарченко, что-то заявляющего с пафосом, с помпой, он общался с народом, с журналистами именно так, как общался с друзьями на кухне, по-простому и с уважением.

Опять в народе:

– Что с украинским паспортом будет?

– Вам честно сказать? Свой – расстреляю.

Переломным моментом в экономике ДНР стала блокада Украиной этого бывшего своего региона. Перерубили все дороги, завалили их баррикадами, и торговые связи Донбасс-Украина были завершены. Ох, какой это был трудный момент для республики... Через российскую границу просто так не проедешь, две таможни, одна из них строжайшая, российская, начался этап выживания ДНР. Думаю, в этот момент Александр Захарченко перешел на другой уровень. Его нельзя было назвать гением политэкономии, он показал всем, что главным революционерам Донбасса не все равно, голодают люди или нет. И пошли посещения заводов, птицефабрик и других сельскохозяйственных производств. Захарченко ходил и осматривал прилавки, заезжал на рынки Донецка, разговаривал с торговцами по поводу цен. Сколько я ни наблюдал за Первым главой, он никогда ничего не делал походя, поверхностно. Пока все аннотации не прочи-

тает – не отойдет. На рынках Захарченко проверял, не обвешивают ли народ, иногда делал это с чисто донбасской находчивостью – взвешивал свой пистолет на контрольных весах.

– Я проверю. Старый советский пистолет. Мы знаем, сколько он весит. . . .

Вынув из ножен кинжал, он нарезал донбасские помидоры и сам пробовал то, что уходит в народ. Сначала мне казалось, что некоторые акции, в освещении которых мы участвовали, были слишком уж выпуклы, показательны. Тем не менее я пришел к выводу, что, следуя по наитию, Захарченко как мог привлекал общество к теме необходимости безопасности и вооруженной защиты Донбасса. Он сам всегда носил форму и оружие, он сам показывал всем своим видом, что он защитник, солдат, и вовлекал в эту тему, по возможности, всех остальных.

Кстати, даже при вопиющих нарушениях публично он никого не ругал и не разбирался. И каждый раз, отодвинув дела, Александр Захарченко выезжал на места обстрелов.

Особенно если были жертвы среди мирных жителей.

В те дни я имел разговор с Александром Захарченко на тему блокады Донбасса со стороны Украины.

– Блокада, санкции, как они влияют на развитие республики?

– Давайте, наверное, по порядку. Как влияют на развитие республики санкции, то есть блокада, которую ввела Украина. Скажу откровенно, на первых этапах это была катастрофа, это была катастрофа в прямом смысле этого слова, понимаете, в один момент обрубали все потоки, то есть сразу нет продуктов, мгновенно. Вот три дня нет продуктов. Две недели нет медикаментов, то есть неделя – выработали мучное, нет хлеба, нет муки. И в этот момент время вот просто как будто сжалось, стало, наверное, таким плотным, ну прям осязаемым, и 10–12 дней реальная была ситуация, просто катастрофическая. Мгновенно помогла Россия, сразу завезла все самое необходимое, но этого было мало, ну, месяца два пришлось терпеть, затянуть пояса. Но в тот же момент началась работа, мы стали смотреть, где можем сами что-то сделать, чем можем какой-то дефицит заменить. Резко поднялась роль сельского хозяйства, и сейчас тот самый упор, который мы делаем, это на сельское хозяйство, он помог нам решить основной вопрос – это продуктовая безопасность республики. На сегодняшний момент мы уже с уверенностью можем сказать, что на девяносто восемь процентов обеспечиваем продуктами питания себя сами. Именно самым необходимым: мясо, молоко, хлеб. Причем это свое производство. Мы уже понимаем, на какой урожай можем рассчитывать, сколько нужно оставить для того, чтобы прокормить страну, и сколько можно потом реализовывать, чтобы получить деньги в бюджет. Второй момент, с включением блокады со стороны Украины у нас началась паника на производстве, в бизнесе. В один момент не вывозится металл, не вывозится уголь, не вывозится и не заводится тот же окатыш для производства металла, сами производства встали, еле спасли металлургию. Почему? Потому что, если вовремя не привезти окатыш, печи заморозятся, а потом их можно сразу разбирать и выкидывать. Ну, за полгода мы эту проблему решили, металлургию спасли. Нет необходимых запчастей для ремонта железной дороги, спасибо России, сделали. И самое страшное все-таки медикаменты. Почему? Потому что слово «медикаменты» – это общее название, но если вникнуть, для кого они, кого спасают, – это ВИЧ-инфицированные дети, определенные лекарственные препараты нужно колоть постоянно, а их нет, иммунитет нарушен, ослаблен, ребенок может погибнуть. Гемодиализ – это у кого проблемы с почками, нет картриджей. Людям это ежедневно надо делать. Здесь было, конечно, сложнее, но с этим вопросом опять же помогла Россия. На сегодняшний момент можно сказать с уверенностью, что блокада уже нам не страшна, понимаете, мы научились выживать. Это вот так же, как в России, прошло импортозамещение, а нас это заставила сделать Украина, но

только она заставила сделать жестко, ну и другого выхода нет: либо побеждать, либо умирать. Мы смогли выстоять, мы не умерли, мы победили.

А потом был совершен первый прорыв блокады – это была зима 2014–2015 годов, когда Киев начал замерзать без нашего угля, то есть первая трещинка в блокаде пошла. Раз необходимо покупать у нас, значит, с Украины к нам необходимо завозить какие-то ресурсы для добычи этого угля. Поэтому тут блокада уже нарушилась. Второй момент, когда блокада треснула еще громче, когда, это парадоксально будет звучать, пошел урожай зерновых. Украине нужен хлеб, у нее хлеба нет. А мы давали неплохие показатели урожаях хлеба, Донбасс был на втором месте по выращиванию зерновых. Треснуло. И вот сейчас они себя загнали в угол, они с одной стороны кричат – мы их задушим, да, это политика, а с другой стороны, они себя душат, не нас. То есть для того количества населения, которое досталось нам, ДНР хватало всего. Им не хватает ничего. Поэтому страшно, страшно было вначале. Сейчас одна проблема – необходимо политическое решение, которое позволило бы нам продавать наш уголь и вывозить продукты нашего производства на мировой рынок. Нашей продукцией интересуются Испания, Италия, вся Европа. Этого пока нет, и это создает нам определенные сложности. Но и здесь мы научились работать с российскими партнерами, и поэтому потихоньку-потихоньку процесс уже сдвигается в лучшую сторону. Но мы можем прожить без определенных вещей, например, без украинских носков, без еще чего-то, мы можем купить подобное в другом месте, а Украина не может прожить без угля и хлеба, это другой вопрос. Поэтому блокада была страшна в первый момент, скажу честно, растерянность была общая, мы не поверили, понимаете, мы не думали, что у Киева хватит ума сделать это, что Украине хватит оголтелой ненависти к нам, чтобы просто обречь на голодную смерть несколько миллионов человек, но они это смогли сделать.

А когда поняли, что мы выстояли и спокойно без этого обходимся, а они без нашего нет, они теперь не могут решить, как эту блокаду снять, как объяснить своим радикалам, что нужно снять блокаду, ведь у Донбасса многое, что надо покупать. И это касается не только угля.

– Александр, у меня создается впечатление, что вы соскучились по этой теме, у вас все время война, война, война, война, но значительное время отводится решению экономических проблем. Хотя вы выезжаете на передовую, я знаю.

– Честно скажу, я не соскучился по экономической теме, я буду говорить откровенно, мне приходится заниматься многими вещами, это правда, но вот война – это святое, понимаете, я считаю, каждый мужчина должен защищать свою родину, каждый. Неважно, глава государства ты или обычный шахтер, но в случае необходимости взять в руки автомат должен каждый. Почему? Потому что бывают такие моменты в бою, когда один-единственный ствол делает перевес в ту или иную сторону. А экономика – это тоже своего рода война, но она больше замешана на политике, то есть на грязи, Украина теперь понимает, мы с каждым днем все меньше, меньше обращаем внимания на те рычаги давления, которыми они нас пытаются где-то прижать, а победа в экономике – это, в конце концов, победа в войне, все взаимосвязано. Либо победа в войне – это тоже какой-то экономический рост. Что плохо вот в этой блокаде? Плохо то, что, я не буду скрывать, есть у нас работающие предприятия, которые платят налоги, но мы не собираем те необходимые средства, которые надо собрать, мы не можем выполнить социальные обязательства перед людьми, выплатить заработную плату. Надо продать металл, потому что тот металл, который сертифицирован на Украине, про него весь мир знает, что он украинский. Наш металл не может быть сертифицирован у нас так, чтоб его покупали за границей, мы непризнанная страна. Но это если брать в процентном соотношении: из ста процентов проблем эта ситуация давала нам семьдесят процентов, сейчас это уже процентов тридцать. Мы эти проблемы потихоньку нивелируем, потихоньку, потихоньку, и я скажу больше, благодаря этой блокаде мы получили одного очень хорошего союзника для себя – это время. Время, которое убивает Украину, и время, которое нам дает возможность развиваться, это сделала сама Украина. Они не просчитали последствий, которые теперь наступили для них.

А мы сказали: вы хотите, чтоб мы умерли с голоду, – мы не умерли, вы хотите, чтоб мы не могли работать, – мы будем работать. И пружина, которую они сжали, она раздвинулась в другую сторону. На Украине нет хорошего менеджмента, который может просчитывать не только экономические риски, а еще и социальные вопросы, политику в том числе.

– Александр Владимирович, вы коснулись перспектив, которые имеет Украина на территории Донбасса, но в Киеве при каждом удобном случае говорят: мы должны восстановить контроль, мы войдем в Донбасс, сюда рвется украинская армия, Киев угрожает, а народ в ДНР устает, народ хочет жить юридически полноценно. Может ли Киев додаться?

– Это очень острый вопрос, и есть опасность в чем-то, но опасность не в том, что народ устает, а более опасность в другом. Вы сказали, что у нас нет охоты на ведьм, мы не преследуем тех людей, которые жили на Украине, вернулись обратно сюда, здесь их хозяйство, это святое, здесь могилы их родителей. Но они все равно носители чуждой нам идеологии. Но здесь другая есть вещь, которую Киев не просчитывает, понимаете, между Донецком и Киевом исторически всегда были какие-то разногласия, но никогда не было той реки крови, которая сейчас протекала. Она очень глубокая, в ней нельзя найти брода, ее не переплывешь, ее не переступишь, ее просто не пересечешь. Надо строить мосты. Эта река будет течь, она будет существовать много лет, это нужно, чтоб погибли мы, потом погибнут, умрут наши дети, потом умрут наши внуки, и только после этого через какой-то период она иссякнет. А те дети, которые сейчас бегают, наши дети, которые родились уже в ДНР, для них это близко, они еще будут видеть живых героев, они будут видеть дедушку, который имеет донецкий Георгиевский крест и рассказывает, как они обороняли Шахтерск, или штурмовали Дебальцево, или сидели в окружении на Саур-Могиле. С этими рассказами эта ненависть останется, она никуда не исчезнет, та трещина, которая пролегла между Донецком и Киевом, останется, трещина, которую, кстати, заложили еще при советской власти, когда отдали территорию Донбасса из России на Украину, кстати, как и Крым. Альтернативу этой вражде и ненависти я вижу в минимальных нормах общежития между нами и Киевом, и это будет признание в том, что мы смогли отстоять свою независимость. И мы будем контролировать нашу территорию, и Славянск, и Великую Новоселку, в которой, кстати, милиционеры отбивались от националистов до последнего, пока их не перестреляли всех. И в других городах, в которых тоже наши люди живут. Если там, на Украине, будет принято политическое решение, что да, все, хватит, мы не можем захватить Донбасс силой, разрушить изнутри, сломать, убедить, купить, застрелить, ну не получается, давайте жить. В таком случае сразу первый этап – это экономика, мы можем предложить Украине приобретать у нас уголь, мы можем предложить приобретать у нас зерно, мы можем предложить продукцию нашего химического производства.

– Но Киев не хочет торговать, он хочет зайти на границу с Россией.

– Я, как житель Донецкой Народной Республики, никогда не пушу на границу Российской Федерации и на наши территории ни одного украинского солдата, ни одного. Вот пока живу, они туда не зайдут. И таких, как я, сотни тысяч. Они не пройдут. Мы не повесим здесь украинские флаги, их уже не будет, эти флаги для нас – это флаги карателей. По-другому не будет.

– А они что еще предлагают? Есть у них еще какая-то альтернатива?

– Они с упорством овцы пытаются пробить своей головой стену, никак не поймут то, что мы – это уже не территория Украины. Единственная альтернатива – это наша смерть, если они зайдут в Донбасс, они даже не дадут нам право выбрать фонари, на которых они будут нас вешать. Они предлагают силовое решение конфликта, они пытаются заставить и через площадку Минска, политически, пытаются давить на нас экономическими способами, пропагандой. Понимаете, у Гитлера до последнего была уверенность в том, что вот сейчас придет какой-то там еще один последний генерал, который спрячется где-то в Альпах, и советские войска отойдут от его бункера, и он будет сидеть в Москве. Это была уверенность идиота. То же самое происходит с целой страной, они по-идиотски уверены в том, что они сильнее, они смогут это

сделать, ну никто не понимает, что за два года войны, причем той войны, которой Европа не видела, наверное, с Великой Отечественной, они не смогли ничего с нами сделать, когда нас было в десятки раз меньше, чем их. Они не смогли сделать авиацией, танками, они не смогли сделать это политикой, они не могут это сделать экономикой, не получилось. Но они в это свято верят, что так должно быть, и мы, идиоты, почему-то это не принимаем, не падаем на колени и не просим у них прощения за то, что содеяли. Это должны мы извиняться?! Сначала это веселило, то есть мы улыбались, смотрели, ну, слабо понимали, что там на уровне подсознания у них. Сейчас это вызывает раздражение. Ну, если это коричневый цвет у стола, а человек твердит, что это жовто-блакитный, и сам в это свято верит, хотя на самом деле это обычный стол. Понимаете, там большое общество. Там не то что рыба с головы гниет, там общество само заболело. Там какая-то инфекция, вирус, который из нормальных людей делает свидомых, это надо лечить, это диагноз. И это диагноз страшный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.